

П О Э З И Я

Тамара Буковская

TERROR PRAESENTIS

(Ужас настоящего)

Сборник стихов

Низкое небо темно,
Черное поле покато, ..
Солнце хоть скрылось давно,
Но далеко до заката.
Что же с такой высоты,
В эдакой тьме различит Он?
Начерно писана жизнЬ
И черновик не прочитан.

Выбелит землю зима,
Начисто нас позабудет
Даже природа сама.
Что не случилось - не будет.

Темная плещет вода,
В ней отражается небо.
Не было вас никогда,
Не было, не было, не бы...

О чем мы говорим с тобой?
Над нами белый снег летает,
(Невероятный, он растает,
Отмечен общею судьбой).

О чем мы говорим с тобой?
Ночное небо стало ближе,
И белый пламень лижет, лижет
Графит холодной мостовой.

О чем мы говорим с тобой?
Мы потерялись, заблудились,
Мы в снегопад с дороги сбились -

Два нищих - слабый да слепой.

О чём мы говорим с тобой -
Такая мгла объемлет Землю,
Такое нам готовят зелье,
Что дактилической стопой
(О чём мы говорим с тобою?!)
Не воспоешь уже веселье.

Мои друзья и современники!
Нет, мы не только современники -
Мы крещены в одной воде,
Одной историей владеть
Нам выпала беда и мука.
Кому заламывают руки,
Того пример - другим наука -
Не надо вздрагивать от стука -
Вольнее вольного мудрец.
Но в старый кованый ларец
Не спрячешь рукопись такую,
Откуда ветер смерти дует,
И смерть тогда меж нас сам-треть.
Ее дыханья нестереть
С лица, ее напечатленье -
Окаменелость, а не тленье,
И заостренность наших черт.

Окаянная душа - неприкаянная, шалая,
Воет в голос, плачет, жалуясь,
Ветром за окном прожа.
Чур меня! Я не хочу
Сгинуть в этой свистопляске!

Холодом последней ласки
Разве можно утешать?
Чур меня! Ведь я жива,
И живых я окликаю,
И живое слово — капля
В чаше царского вина.
Просит детская рука
Тела Господа и крови,
Жаждет крови Вечность, прорва,
Лета — мутная река.

Речью ручаюсь и словом клянусь —
Ситчик с набойкой, картина Русь,
Нет, не имеют с отечеством сходства!
Как передать мне убогость сиротства,
Волчий оскал или страсть к благородству?
Как передать, перечислить, сличить
Все, что как нож и меня заточить,
Замордовать и силком научить,
Приворожить, пристрастить, приручить
С первого крика до страшного хрипа
Будет стараться и прямо, и криво
Палкой и лестью, и правдой, и кривдой.

Я обрадуюсь тому,
Что приснилось мне под утро,
Будто молоды мы, будто
Смотрим весело и мудро,
Представляя очень смутно
Как грядущее темно.
И во сне чуть-чуть смешно

Видеть молодость лисью,
Фотокоцию плохую
Старых дедовских времен —
Не хватает лишь стремян,
Эполета или уса,
Не хватает только вкуса,
Чтобы расцветить огнем
Угол левый или правый,
Разом скечь и знать что правы.
Но во сне иные нравы —
Сжегши все, навек уснем.

Глупа, навойлива, нелепа —
Дурной, но все же Божий слепок,
Мякинной речи, черным хлебом
Люви сыта, но тычусь слепо,
Взыскуя дружества, родства.
О, Господи! да кто я вам —
Соседка, собеседник, житель?
И на живую нитку спиши
Жизнь, биография, судьба,
Мысль тщетна и душа слаба.

Как горячая простуда
С тяжким бредом доутру,
Как немытая посуда,
Поднесенная ко рту,
Слог нелеп и несвободен
И со мной он слишком сходен.
Убежать? Так нету сходен.
Что он есть, на что пригоден,

Я ответить не смогу.
Так зачем к строке строку
Словно листочка землицу,
Смоченную не водицей,
А слюной своей, влеку?
Легче так мне? Нет, не легче!
Лечит слово? Нет, не лечит!
Ниже голову, а плечи
Выше, выше, видишь — нечем
Оправдаться на миру.

... Онегин едет на бульвар...

ПУШКИН

Прогуливаться? То-то хорошо!
Как некогда, как в старину, бывало...
Как некто с гувернером по бульвару
Из своего младенчества прошел
И в наше заглянул — не так уж мало.

Фланировать? О, да, и всех вольней
Фланирующий Невской перспективой!
Все глупости — не Он гуляет с Ней —
Рисунок жизни чертится пунктиром,
Но чем безумней, тем и веселей.

Шататься? Шляться, шуточки шутить,
И острым словом мимоходом ранить...
(Мы заглянули в век наш слишком рано),
Что было нашим бабушкам не сшить
Нам ладанку веселия и в ранец
Ее так незаметно положить,
Чтоб мы о ней и вправду не узнали.

Сладко малым детям спится,
Петушок молчит на спище,
Золотой корабль на шпище
В небе блещет как звезда.
Сладко им спалось всегда,
Что бы в доме не случилось,
Кто бы в дом не постучался,
С фонарем ли, со свечами
Паспорт с личностьюсличали,
Дети чмокали, вздыхали,
Ничего не примечали
И не мыслили вреда.
Утекла давно вода,
По которой мы пускали
Кораблей бумажных стаи,
Ноочные страхи старей
Наших жизней. Невода
Сплетены из черной стали,
Кто их тянет, кто их ставит —
Жизнь, история, судьба?
В небе блещет как звезда
Золотой корабль на шпище,
Петушок молчит на спище,
Сладко малым детям спится,
Сладко им спалось всегда.

Что разуму за дело до стихов?
Его удел искать иных обнов.
Пока идет охота и отлов —
Его ли дело из каких углов,
Чуланов, чердаков, материков
Является туман блаженных снов,
Мучительных, пророческих ли слов.
Что может он — спасти и защитить?

Но Ариадны ускользнула нить
И разгадать безумный лабиринт,
Как размотать окровавленный бинт.
И разум тяготит тебя как винт.
В живую плоть мучительных обид...
Завинченный и сколь не делай вид,
Что так и должно, а душа кровит.

Белый пахарь, белый сеятель,
Что вы сеете, что деете
Лютой ночью на юру?
Не поверю, что к добру
Золотой исчез горбун.
Где он спрятался? Во рву
Во хмелю ли, наяву
Кто там молится ему
Будто Богу самому?
В небе только змая муть
Белых, белых, белых мух.
Не гони овец, пастух —
Вымерз твой ручей и сух
Черный лед. Во рту распух,
Нем язык и мучит слух
Ветра вой, огонь потух...
В липком, ледяном поту
Не кричу, уже ору —
Белый пахарь, белый сеятель,
Что вы сеете, что деете
Лютой ночью на юру?

Храни вас Бог, друзья мои, храни!
Ещё никто из нас не стал добычей тьмы,
И каждый волен речь начать так: "Мы..."

Что? Были счастливы, любили, влюблены?
— Дышали просто воздухом одним,
Холодным, влажным, белым, голубым,
Томительным, губительным, немым.
Храни вас Бог, друзья мои, храни!
Пол-жизни прожито, растворено в крови.
Не назову вас — он, она, они ..
Судьбы и речи нас связала нить.
Мы выплынем? Плынем. Куда ж нам плыть?

Господи, Господи! Что же душа не вольна
Птицей лететь — бременит ее тяжкое тело.
Господи, Господи! Речь моя смыслом бедна,
В жилах не кровь, а чернила, сгущенные мелом.
Господи, Господи! Жить нелюбимой нельзя,
Даже земля камнеет тогда под ногами.
Господи, Господи! Что же как в детстве, грозя,
Сладкой приманкой любви и на миг не обманешь?
Господи, Господи! Не дотянуться рукой
Ни до кого — все восхищены жизнью.
Господи, Господи! Дай ты мне знак хоть какой,
Что человек в этом мире живой и не личиний.

Ребенком быть и елки ждать —
Густой, колючей, темно-синей.
Терпеть, крепиться, что есть силы,
Чтоб не проспать, не опоздать.
Увидеть, как внесут с мороза
И на пол бросят, ветки разом
Снег отряхнут. Слезой из глаза
И восклицанием от праздной ..
Восторг предчувствия непраздный.
Когда из комнаты уйдут

Все взрослые и все большие,
Ногами пробеги босыми,
Скажи: "Не бойся! - ей, - "Я тут!"
Она вздохнет и распрямится,
Теперь нет сил уже крепиться -
Слезами сладкими умыться,
Устать, счастливым сном забыться.

Медовой нежностью, томительнейшим пленом
Пусть слабая прельщается душа.
Пока ты жив, пока не стала тленом
Плоть гречная - твое живое тело,
Пусть слабая прельщается душа.
Какой судьбы еще тебе угодно!
Ты счастлив был в парении свободном,
Где падали слова, как чистый снег.
Иного счастья ждешь? Его в помине нет.
Все то, что прожито - вопрос, а не ответ.
Ты радости хотел - лови же этот вздох -
Последний, может быть, но тем и самый сладкий,
Как дросфору младенец и облатку
С медовой нежностью лови сладчайший вздох.
Ты, домогаясь смысла, изнемог,
Ты доказательств хочешь - вот он, Бог!
